

Н. Н. МУТЯ,

доцент кафедры искусствovedения СПбГУП, кандидат искусствovedения

ТЕОРИЯ «МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА

Теория «Москва — Третий Рим» родилась еще в средневековой Руси. С тех пор интерес к ней то угасал, то возрастал. В XX в. она вновь становится актуальной.

Эта теория была сформулирована в 1514–1521 гг. монахом псковского Елизарова монастыря Филофеем в послании к Василию III. Филофеем утверждал, что первым мировым центром

был Рим старый, за ним Рим новый — Константинополь, а после его падения на эту роль претендует третий Рим — Москва. В основе теории Филофея лежало представление о «Ромейском царстве нерушимом», сложившемся в эпоху Августа, в которой проходила земная жизнь Христа. Первый — Великий Рим — сохранил свое физическое бытие, но потерял духовную сущность, так как стал католическим. Оплотом православия стала Византия с новой столицей Константинополем — вторым Римом. Но греки предали православную веру, за что и поплатились, попав под власть неверных турок. Крушение двух первых царств расчистило место для московского православного государства.

Теория Филофея импонировала русским правителям, но стала официальной доктриной только в конце XVI в. Так продолжалось вплоть до XVIII в., когда столица стараниями реформатора Петра I была перенесена из Москвы в Петербург.

В связи с тем, что Санкт-Петербург стал новой столицей, поднимать статус старой было не актуально. У всех на памяти строки А. Пушкина из поэмы «Медный всадник», где он даже противопоставляет эти два города:

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
/.../
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

«Санкт-Петербург» — в переводе «град святого Петра». Выходит, что Петр I позволил себе назвать любимый город Римом, ведь Рим — город апостола Петра. Безусловно, что первый российский император знал старую русскую формулу, выработанную монахом Филофеем: «...два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Петр идет против этой теории. Для него Москва — третий Рим — это оплот всего старого, отжившего. Он строит новый Рим, новую столицу. Но в обществе еще долго будут «бродить» идеи скорого падения Санкт-Петербурга — четвертого Рима.

В XIX в. интерес к теории «Москва — третий Рим» был невелик. Санкт-Петербург имел твердые позиции по сравнению с теми, какие у него были в XVIII в. Но и в XIX в. к Санкт-Петербургу относились как к городу-фантому. Это ощущалось в произведениях А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Достоевского.

Отголоски пророчества падения Петербурга можно наблюдать и в литературных произ-

ведениях XX в. А. Ахматова в поэме «Без героя» писала следующее:

*И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый
Город в свой уходил туман,
И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка,
Как пред казнь бил барабан...
И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул...*

После революции 1917 г., в разгар Гражданской войны столица была вновь перенесена в Москву.

В 1930-е гг. писатели все еще пишут о гибели «четвертого Рима» — уже не Петербурга, а Ленинграда (пьеса «Адам и Ева» М. Булгакова). Но наибольший интерес у них вызывает Москва. И вновь проявляется тяга к теории «Москва — Третий Рим».

Следует отметить, что возрождение этой теории не столько служило повышению статуса Москвы, сколько отвечало настроениям того времени. Причем в сталинскую эпоху теории соотносили с личностью Ивана Грозного. Хотя, по мнению историка Р. Скрынникова, фактологически это несколько неверно. По интересующему нас вопросу он писал следующее: «В течение многих лет русские книжники излагали теорию “Москва — Третий Рим” в сочинениях неофициального толка. Претендовавший на неограниченную власть Иван IV не принял ее из-за тенденций к возвеличиванию церковного авторитета. После Грозного успехи централизации окончательно определили подчиненное место церкви в системе Русского государства. Союз между митрополитом Дионисием и боярской оппозицией оказался кратковременным эпизодом, завершившимся низложением главного пастыря. Иов окончательно подчинил церковь целям светской власти. При нем теория “Москва — Третий Рим” (время правления Федора Ивановича. — М. Н.) впервые получила отражение в авторитетных правительственных документах и таким образом превратилась в официальную доктрину»¹.

Но для художественной культуры такая точность и не требовалась. Идея «Москва — Третий Рим» прочно слилась с именем грозного царя. Для Сталина была не страшна ассоциация его правления с тираническим правлением Ивана Грозного. Для него важным было то, чтобы в аллюзиях его современники отмечали стремление обоих правителей к созданию сильного государства.

Теория «Москва — Третий Рим» стала особенно популярна в период Великой Отечественной

¹ Скрынников Р. Далекый век. Л., 1989. С. 286.

войны. Москва, говоря пафосным слогом того времени, — сердце Родины советских людей. Потерять столицу, оставить ее врагу было просто невыносимо. В ход идет не только военная машина, но и идеологическая. И здесь велика роль искусства. Теория «Москва — Третий Рим» находит яркое воплощение в произведениях художественной культуры того времени.

Прежде всего это знаменитый художественный фильм С. Эйзенштейна «Иван Грозный» (1944). Теория «Москва — Третий Рим» проходит красной нитью через весь сценарий фильма. Будет уместно привести небольшой отрывок из него. (Следует отметить, что сценарий к этой картине сам по себе является произведением искусства.)

Сцена «Успенский собор»
И сквозь бурю ярости
послов,
бояр,
духовенства —
в ураган взлетая
людей растерянность,
страсти,
пенье,
бешенство —
заклчительно Иван бросает:
*«Два Рима пали,
а третий —
Москва —
стоит,
а четвертому не быть!
И тому Риму третьему —
державе Московской —
единым хозяином
отныне буду я
один»*¹.

Так в одной сцене С. Эйзенштейн показал всю программу будущих преобразований царя (и его последователей).

Эта сцена почти полностью вошла в фильм. И буквально с первых минут зрители ощущали стремление Ивана Грозного к созданию великого русского единодержавного государства.

Тема «Москва — Третий Рим» будет отражена и в диалогии А. Н. Толстого «Иван Грозный» (1943).

Идеи единовластия, сильного государства, восстановления государства в своих границах и борьбы за это с внешним врагом — все они «звучат» в духе военного времени тех лет. Но эти идеи были характерны и для мирного советского времени. Теория «Москва — Третий Рим» отвечала общему тоталитарному настрою культуры сталинских времен.

Отечественный тоталитаризм интересовал многих исследователей. Н. Бердяев в своих работах «Истоки и смысл русского коммунизма» и «Русская идея» усматривал среди истоков тоталитарной культуры следующие: традиции русского деспотичного государства, восходящие к московским государям XVI в. и Петру Великому; изначальный синкретизм национального миросозерцания, сохраняющего целостность и неразделимость всех аспектов картины мира в религиозной идее; коллективизм и «общежителность» русского народа, выделяющие его среди других народов, преодолевших рецидивы общинного образа жизни; наконец, русскую мессианскую идею, принимающую различные исторические формы («Москва — Третий Рим», «Москва — третий Интернационал»).

Итак, возрождение теории «Москва — Третий Рим» в XX в. объяснимо и тем, что ее характер отвечал характеру тоталитарного режима советского государства сталинских времен.

Во второй половине XX в. произошел распад великой коммунистической империи СССР, то есть с наследницей имперской идеологии Рима и Византии произошло то же, что и с ее предшественницами. И идея, что Москва — это Третий Рим, постепенно уходит в забвение. Исследователи стремятся объективно проанализировать влияние этой теории на отечественную культуру. А политики занимаются выработкой новой «национальной идеи», вновь привлекая к решению этой задачи культуру и искусство.

¹ Эйзенштейн С. Иван Грозный: киносценарий. М., 1944. С. 21–26.